

У.Ю. ВЕРИНА

*(Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)*

УДК 82-1
ББК 4426.839

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ: ТЕРРИТОРИЯ УМОЛЧАНИЯ, ПОВТОРЕНИЯ, ТВОРЕНИЯ*

Аннотация. Феномен русскоязычной поэзии Беларуси рассматривается в связи с функцией сохранения русской поэтической традиции на «чужой» территории. Выделяются три варианта отношений с традицией: «умолчания» (В. Блаженный и советская поэзия); «творения» (В. Блаженный, А. Жданов); «повторения» (поэты-гипертрадиционалисты).

Ключевые слова: русскоязычная поэзия Беларуси, русская поэтическая традиция, Вениамин Блаженный, Алексей Жданов, гипертрадиционализм, «умолчание», «творение», «повторение».

Понятие «русскоязычная литература» – наиболее миролюбивое из возможных синонимов, поскольку все другие термины этого ряда (литература эмиграции, литература русской диаспоры, русского зарубежья, русская литература за пределами России, «нестоличная литература») касаются вопросов истории, политики, границ государств и наций. Каждое обращение к этому понятию неизбежно требует целого ряда оговорок, уточнений, дополнительных определений – и, видимо, однозначности в этом вопросе не достичь, так как он действительно сложен.

Литература, создававшаяся на русском языке после 1991 г. и *оказавшаяся* за пределами России, оставаясь в пределах бывшего СССР, соприкоснулась с понятиями «литературы зарубежья», «диаспоры» – понятиями всего того ряда, который утратил закрепленный за ним литературоведением статус и сам стал проблематичен, – и в то же время создала собственный феномен.

С распадом СССР и возникновением ряда независимых государств русская литература испытала «травму потери» (Г. Лапидус), ее статус вне России изменился, дальнейшее развитие литературы в рамках другой государственности шло по своим сценариям. Ситуация Беларуси в ряду этих новых феноменов – самостоятельный феномен, особость которого, как представляется, связана со статусом русского языка, понятием нации (титულიной) и собственно традици-

* Работа выполнена при частичной поддержке БФФИ, договор № Г13Р-002.

ей, продолжающейся или строящейся в постсоветской литературе Беларуси.

Из всех бывших союзных республик только в Беларуси русский язык конституционно признан государственным наряду с белорусским (с 1996 г.), а также имеет статус официального языка Союзного государства России и Беларуси¹. Это наиболее полный из всех возможных вариантов признания и, как мы видим, беспрецедентный. Русский язык закреплен не только нормативно-правовым образом, т.е. декларативно, он преобладает в живом функционировании речи жителей крупных городов. В отношении Беларуси, таким образом, невозможно говорить об иноязычной среде для русской литературы, о дискриминации или миноритарном статусе русского языка и литературы.

Понятие белорусской нации трагически неопределенно, и благоприятных перспектив разрешения парадоксальной ситуации, сложившейся в независимой Республике Беларусь, пока не видно. Причины спекулятивного обращения с этим понятием не входят в область данной темы.² Необходимо лишь сказать, что белорусская литература последних десятилетий, преодолевшая провинциализм, ставшая художественно самостоятельной и формирующая *национальные* традиции, находится в конфликтных отношениях с официальной идеологией, в том числе – с официальной литературой. Странная и закономерная ситуация – снова вынуждена сказать: «парадоксальная». Белорусская национальная идея, формирование национальной литературной традиции, независимой от идеологии и не служащей ей, скорее «дискриминируемы» и «миноритарны», чем русская идея и русская литературная традиция в Беларуси. Болезненным, крайним вариантом трансформации этой идеи в плане самоидентификации является попытка представить ее как «западнорусскую литературу», не встречающую поддержки у литературоведов³, но пропагандируемую «сильными» фигурами литературного поля.⁴

¹ См. Пьянов А.Е. Статус русского языка в странах СНГ // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2011. № 3 (47). С. 55–59.

² Проблему неопределенности «субъекта» исторического процесса и понятия «нации» в белорусской исторической науке рассмотрел А. Браточкин в части недавней коллективной монографии «После советского марксизма: история, философия, социология и психоанализ в национальных контекстах (Беларусь, Украина)». – Вильнюс, 2013. С. 168–170.

³ Андреев А.Н. Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления // ЛитКритика.by. Белорусский литературный портал. URL: <http://www.litkritika.by/categories/literatura/kritika/856.html>.

⁴ См., например, литературные публикации сайта Западная Русь. Рубеж Святой Руси в прошлом, настоящем и будущем. URL: <http://zapadrus.su/>.

Возможно, идеологические спекуляции вокруг художественного феномена порождены его пограничным статусом: между нациями и государствами, между общественными формациями, между «большой» и «малой» литературой.

Русскоязычная литература Беларуси лишь недавно стала объектом внимания литературоведов, и пока по-прежнему не выходит за пределы труднообъективируемых представлений. Так, профессор А.Н. Андреев утверждает, что «есть русская литература Беларуси, и есть русскоязычная». Разницу между ними он поясняет следующим образом: «В случае с «русскоязычной литературой» речь идет о белорусской литературе, о части одной литературы – белорусской. Русскоязычная – это «составляющая» белорусской литературы, транслирующая модус белорусской ментальности. В другом случае речь идет... именно о русской литературе Беларуси, литературе, являющейся частью русского мира и именно в этом качестве становящейся частью белорусской культуры. <...> Русская литература Беларуси – это одновременная развернутость в сторону разных культурных (ментальных) парадигм, которая осуществляется в едином языковом дискурсе. Два в одном. При этом преобладание «русскости» в предложенной формуле значительно и очевидно. Так уж получилось, такова реальность»⁵. Из «двух внятных критериев», которыми А.Н. Андреев считает «язык и ментальность», – второй мог бы быть таковым, если бы автор изложил ясное представление о белорусской картине мира, данной, например, в анализе элементов «жизнь, свет, дом, семья, слово, бог и т.п.», составляющих «возлюбленную непохожесть» по Г. Гачеву⁶, или образах пространства и времени, коммуникативных стратегий, нравственно-эстетических ценностей, что предпринимают исследователи современной культуры⁷. Поскольку само понятие белорусской нации, повторим, до сих пор в большей степени мифологизируется, чем концептуализируется, то «портретные черты» национальной ментальности, произвольно извлекаемые из поэтических текстов, рискуют оказаться подобием античной статуи или наивно реалистическим наскальным изображением. Что же касается «части русского мира», которой должна, по мысли ученого, стать «русская литература Беларуси», то вряд ли проза Алесея Адамовича, которого автор считает «русскоязычным», т.е. белорусским по «ментальности», или проза Светла-

⁵ Андреев А.Н. Указ. соч.

⁶ Гачев Г. Ментальности народов мира. – М., 2008. С. 15, 18.

⁷ См.: Белобородов Д.В. Онтология современной культуры: философско-методологические аспекты: автореф. ... д-ра филос. наук. – М., 2007.

ны Алексиевич, или даже переведенная на русский язык проза Василя Быкова не стали этой частью.

Профессор В. Гниломедов, автор книги «На рубеже времен: Русскоязычная поэзия Беларуси» (2013), предлагает считать «понятия “русский” и “русскоязычный” применительно к поэзии синонимами, потому что в основе одного и другого лежит одна языковая сущность. ...Поэт – орудие языка... единственным средством познания, постижения жизни является слово и отдельный звук, связанный со смыслом»⁸. Как здесь не вспомнить гипотезу лингвистической относительности Сепира–Уорфа, а также, конечно, И. Бродского с его «теологией языка» и убежденностью, что «именно язык диктует стихотворение, и то, что в просторечии именуется Музой, или вдохновением, есть на самом деле диктат языка». Эти идеи не раз привлекали внимание исследователей. Надо сказать, что отношения поэта и поэзии с языком и действительностью значительно сложнее «коммуникативных» и «миметических», и даже имперсональных «языкосущностных». Язык и язык поэзии – два этих объекта познания двигали философскую мысль XX столетия, расширяя границы представления о литературе и художественности как способах познания или вместилище самого бытия.

Размышляя о том, что такое «быть поэтом сегодня», Б. Дубин цитирует М. Бланшо: «“Поэт рождается из стихотворения. Рождается перед нами и опережая нас, как наше собственное будущее”. Но эта опережающая способность, – продолжает Б. Дубин, – не задана неким предписанным и непререкаемым могуществом поэта, его “властью” над словом, а потому над реальностью и собеседником. Она обоснована смысловой открытостью стихотворения, обращенного к невидимому и несказанному, его своеобразным отсутствием». И снова цитирует М. Бланшо: «Стихотворение всегда отсутствует. Оно всегда по ту или эту сторону. Оно от нас ускользает, поскольку оно скорее наше отсутствие, чем наше присутствие, и начинает с опустошения: оно освобождает вещи от них самих и беспрестанно замещает показываемое тем, что нельзя показать, а сказанное – тем, что нельзя высказать, очерчивая <...> горизонт очевидности, молчания и небытия, без которого мы не смогли бы ни существовать, ни говорить, ни быть свободными»⁹.

⁸ Гниломедов В. На рубеже времен: Русскоязычная поэзия Беларуси. – Минск, 2013. С. 84.

⁹ Цит. по: Дубин Б. Быть поэтом сегодня // Б. Дубин. На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке. – М., 2005. С. 364.

Трудно найти в таком понимании поэзии место для «я» и действительности, так же трудно представить себе ее «национальность», которая всегда фиксирует представление «мы», отделенное от другого «мы», а не «отклик», предлагаемый М. Бланшо.

Завершая свою книгу, В. Гниломедов упрекает русскоязычную поэзию Беларуси в «книжности, инфантильности в вопросах общественной жизни, в которую она включена явно недостаточно. Ее, к сожалению, мало интересуют заботы белорусского возрождения – язык, история, литература, своеобразие края в целом. Живя в Беларуси, многие ее, что называется, в упор не замечают. Может быть, поэтому, – считает автор, – не замечают и саму русскоязычную поэзию»¹⁰.

В этом упреке, на мой взгляд, содержится важная мысль, которая, будучи отделенной от риторики, могла бы стать важнейшей чертой, определяющей феномен русскоязычной поэзии Беларуси. Мое предположение состоит в том, что *эта поэзия сохраняет русскую поэтическую традицию на «чужой» территории*. Это глубинное свойство, похоже, не имеющее отношения к периоду (советский или постсоветский)¹¹, главное здесь – понятие «за пределами». Задачей сохранить традицию вне сферы ее «естественного обитания» непротиворечиво определяется многое: и книжность, и невовлеченность в процесс жанрово-стилевого обновления, общественную и литературную жизнь России и Беларуси, – все это может служить признаками консерватизма, стремящегося остановить, закрепить, наполнить пустующее пространство не вновь созданным, что может и не прижиться, поскольку будет осознаться как абсолютно чужое, а тем, что осмыслено как ценность, т.е. – традицией. Если поэзия вынесена как бы за скобки своего живого естественного течения и территории, то хранительная и созидающая функции становятся важнейшими.

К этому выводу я пришла постепенно, анализируя поэзию Вениамина Блаженного, определяя роль Минской школы – неофициальной, неподцензурной русскоязычной поэзии Беларуси, осмысляющей окружающее пространство как враждебное и пустое, а также пытаюсь понять современную конформистскую русскоязычную поэзию, гипертрадиционалистскую, оправдывающую свое существование идеей «Западной Руси», оплота православия и т.д.

Анализируя поэзию Вениамина Блаженного, я предлагала поня-

¹⁰ Гниломедов В. Указ. соч. С. 175.

¹¹ Период важен в смысле той традиции, которая жива в данный период на титульной литературной территории, что приобретает черты противостояния ей или ее развития и т.д.

тие «уединенной поэтики», которое рассматривала в связи с поэтологическим корпусом его стихотворений и проблемой поиска «прилагательного» для национальной традиции его поэзии¹². Фигура Вениамина Блаженного соединила в себе как бы максимально проявленные, доведенные до крайней степени черты бытия поэта-изгнанника: многолетнее затворничество, невозможность публикации, книжная культура, жизнь между русским, белорусским, еврейским миром, а в поэзии – Вселенная, Бог – лишь эти константы *определяют* границы его художественного мира. По замечанию Н.Л. Лейдермана, «его паралогический «мятник» качается в разных плоскостях одновременно» и «возникает образ беспредельно релятивизированного сознания». «Этой безостановочностью переходов и перепадов, падений и взлетов и обеспечивается та зыбкая, напряженно вибрирующая устойчивость, которая делает мир Хаосмосом, где хоть ненадолго обретает внутренне равновесие человеческая душа»¹³.

Русскую поэтическую традицию, из которой вырастает глыба поэзии В. Блаженного, он вобрал всю без остатка и создал внушительный по объему и художественным достоинствам поэтический корпус, объединенный ситуацией «смерть поэта»¹⁴. Из «глубокой поэтичности бедных и мертвых»¹⁵ он вынес собственное предназначение: быть нищеводом, скитальцем, Вечным Мальчиком, который не будет так же велик, как его «бедный демон со многими именами»¹⁶ – Пушкин, Лермонтов, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Гумилев, Есенин... Сама их смерть и его отрешение от жизни создали поэзию В. Блаженного.

С умершими шагать так трудно в ногу,
У них не путь, а узкая тропа,
Где свалены в беспамятстве убогом
Проклятья, упования, черепа...

¹² Верина У.Ю. Иона во чреве кита: двойная эмиграция Вениамина Блаженного // *Powróćcie do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji* (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья) / под ред Г. Нефагиной. – Слупск, 2012. С. 349–358.

¹³ Лейдерман Н.Л. Паралогия «Человек и Бог» в лирике В. Блаженного и И. Бродского // Н.Л. Лейдерман. Теория жанра. – Екатеринбург, 2010. С. 861.

¹⁴ См.: Верина У.Ю. Ситуация «смерть поэта» в лирике Вениамина Блаженного // Вестник РУДН. – Сер. Литературоведение. – Журналистика. – 2011. – № 4. – С. 18–26.

¹⁵ Цит. по: Блум Х. Страх влияния // Х. Блум. Страх влияния. Карта перечитывания. – Екатеринбург, 1998. С. 35.

¹⁶ Там же.

То, что зовем мы праздно Мирозданьем,
Нагромождает жадно труп на труп
И даже рай загроможден страданьем,
И ангелы крылами слезы трут.

(11 сентября 1979)¹⁷

В. Блаженный говорил: «И Пушкин – «Отцы-пустынники и жены непорочны...», и Лермонтов – «Пророк», – стояли на пороге большой духовной поэзии. И вот – смерть. Может быть, она закономерна, может быть, все, что они могли сказать, они уже сказали, и нужен был другой, грядущий поэт, который бы продолжил этот путь...»¹⁸. «Грядущий поэт» В. Блаженный (в терминах Х. Блума, безусловно, «сильный поэт») воскрешает мертвых, не продолжая, а пересоздавая конец пути своих великих предшественников.

Благополучных и признанных поэтов В. Блаженный называл подлецами, но, конечно, прочел всех. Их, вершителей поэтических судеб, «минский Иов» в борьбе с собственной неблагоприятной судьбой, перемальвает в совершенно неподцензурные поэтические образы, создавая Контр-Возвышенное. Это «война Гордыни и Гордыни, завершающаяся мгновенной победой силы новизны»¹⁹.

Подспудная борьба могла идти в молчании. Это самый неочевидный и потому наиболее интересный вариант влияния русской поэтической традиции. Он связан также с небезынской проблемой советской критики поэзии: что именно приветствовалось или хотя бы могло пройти в печать, а что было заведомо непроходным? В. Блаженный из своего уединения внимательно следил за всем происходящим в советской поэзии, у него была огромная библиотека поэзии. Он читал тех, кого печатали, и писал то, что не принимали журналы и издательства.

Так, имя Е. Винокурова, более десятилетия возглавлявшего отдел поэзии «Нового мира», творческий семинар в Литературном институте и т.д. – «заведующего поэзией», по собственному определению, – а теперь почти забытого поэта, в известных на данный момент стихах, посвящениях, эпиграммах, интервью В. Блаженного не упоминается. Вполне возможно, что минский поэт был одним из тех, кто, пытаясь опубликоваться, присылал в «Новый мир» свои стихи и о ком «заведующий поэзией» сказал:

¹⁷ Блаженный В. Сораспятье. – М., 2009. С. 109–110.

¹⁸ Из аудиозаписей бесед Вениамина Блаженного с главным редактором журнала «Монолог» Алексеем Андреевым, 1996 г. Впервые опубликовано в журнале «Монолог», выпуск 1 (Минск, 1997 г.). // URL: http://krotov.info/libr_min/p/poezia/blachenn1.html.

¹⁹ Блум Х. Указ. соч. С. 86.

Прут. Все пишут стихи.
Пишет весь мир!.. <...>

Авторы шли. Тонны и тонны стихов.
Слова, слипшиеся, как леденцы в кулаке.
В них слабенький яд.
Но в больших количествах – опасно.
Я отравился.

(1961)²⁰

Оптимистическое «Но вдруг попадалась строка...» – не коснулось поэтической судьбы В. Блаженного. Он впервые был опубликован только в 1980-х гг.

«Душа», «женщины», «судьба», – все те точки, через которые проходит каждый поэт, облеченные у Е. Винокурова в пригодные для печати образы, у В. Блаженного обрастают той «новизной», которая граничит с отчаянным желанием войти в литературу, стать бессмертным и признанным и в то же время отвергает возможность уступок редакторско-читательскому вкусу.

Не для «сопоставления» могут быть извлекаемы примеры, сближающие и различающие поэтов. Но чрезвычайно «блаженным» кажется стихотворение Е. Винокурова «Женщина» (1962) о «выставке интима», «музее исподнего» и «гигантской профанации женственности», с восклицанием: «О, чудовищное лекало человеческого тела!», – и восхождением, совершающимся сразу после того, как «чуть влажноватые чулки провлакиваются» по лицу:

Я поднимаю глаза: там, вдалеке, в проруби,
Как вода, мерцает голубая бесконечность.
Я облегченно вздыхаю.

Но вижу, что и там проплывает облако,
Округлое,
Как женщина.

(1962)²¹

Предсказуемая гармонизация финала отпускает советскому поэту все грехи. Неподцензурный минский поэт не считает нужным уравнивать телесный жар чем-либо кроме гармонии стиха:

²⁰ Винокуров Е. Заведующий поэзией // Самая суть. – М., 1987. С. 113.

²¹ Винокуров Е. Женщина // Самая суть. С. 158.

...Из блузы ситцевого неба
Потеют груди-облака
И между спутанных деревьев
Течет распутная река...

И пьяным воздухом желанья
Целуя сильного в уста,
Живет и дышит мирозданье,
Как дышит женщина в кустах...
(«Отрывок», 1940–1941)

И стало ясно, как в аду:
Или смертельно занедужить,
Иль похоть голую раздуть
И эту хижину – одожить.
(«Женщина», 1940–1941)

«Гармоничному», «разрешенному» верлибру Е. Винокурова ясно противостоит совершенно «невозможный» верлибр В. Блаженного, созданный в невозможное для свободного стиха время – в 1941 г.:

Вселенная переламывает жерновами смерти
Хрупкие кости
(Нежные сахара)
Веселых женщин
И романтических мальчиков.

Женщина!
ваше бедро скользнуло по мраку
крылом лебеда...

Мальчик-поэт,
Как забытый цветок нечаянной встречи,
Рифму «любовь»
Прикусил неживыми губами.²²

«Художественным примирением» со своим чуть младшим и значительно более успешным современником можно считать миниатюру В. Блаженного, завершающую посмертный сборник поэта «Моими очами». В ней – возможный отклик на смерть Е. Винокурова и его давнишний образ:

²² Блаженный В. Верлибры / сост. У. Верина. – Минск, 2011. С. 4.

Лгут все поэты! Надо быть беспощадным.
«Ничто» – вот что
Будет лежать под холмиком на Ваганькове.
Ты придешь, опираясь на зонтик,
Ты постоишь над холмиком,
Под которым лежит «Ничто», потом вытрешь слезу...

Но мальчик, прочитавший мое стихотворение,
Взглянет на мир моими глазами.
(«Моими глазами», 1963)

Снова отметим тот же гармонизирующий и оптимистический финал верлибра. И несмотря на то, что прах Е. Винокурова был захоронен в 1993 г. не на Ваганьковском, а на Новодевичьем кладбище, в тайной борьбе с ним «прочитавший его стихотворение» Вечный Мальчик написал в Минске 6 декабря 1993 г.:

Ну что я могу вам сказать на прощанье,
Старик сумасшедший, прохожий чужак?..
Глядите на кошек моими очами,
Моими руками ласкайте собак.²³

Ни тени надежды на то, что эти строки станут «Памятником». Это то самое Контр-Возвышенное, «вызывающее предположение, что *предшественник относительно слаб*»,²⁴ – а значит, он, по меньшей мере, был.

Для поэтов Минской школы, чье творчество в последнее время начинает возвращаться литературе, не только для В. Блаженного свойственно осознание минского пространства как враждебного. В стихах и картинах Алексея Жданова (1948–1993) город не просто чужой или пустой – он ужасающий. В стихах консервируется Ничто – пустота белорусской столицы. Первое знакомство с поэзией А. Жданова, как правило, вызывает в памяти достаточно просвещенных читателей творчество лианозовцев – группы, уподобленной С. Немцевым еврейскому местечку, «пространству диаспоры, замкнутому локусу, где все варятся в своем соку». «Диаспорность бытования» С. Немцев объясняет тем, что «лианозовцы... вынашивали некую иную культуру внутри глобальной официозной советской культуры»²⁵. Группу лианозовцев,

²³ Блаженный В. Моиими очами. Стихи последних лет / сост. Д. Кузьмина. – М.; Тверь, 2005. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/blazhenny2.html>.

²⁴ Блум Х. Указ. соч. С. 86.

²⁵ Немцев С. Стенограмма лекции «Лианозовская группа» // URL: http://culttown.org/literature/lecture_lianozovci_nemcev.htm.

не зная об этом, составлял в Минске А. Жданов, не входящий даже в неофициальные поэтические круги. Это еще более неочевидный вариант «творения», чем молчаливая борьба В. Блаженного с успешными современниками. А. Жданов в своих стихах создал пространство самостоянья, не вписанное ни в официальный, ни в национальный, – ни в какой контекст. И в то же время его поэзия «прозрела» вариант борьбы с традицией, ставший плодотворным в русской поэзии и канувший в небытие в минской пустоте.

Существенным образом поэзия минского нонконформиста отличается от лианозовцев тем, что в его стихах (кроме явно игровых и бесшабашных) трагизмом и мраком пропитано все насквозь – они не дают повода для улыбки. Отличие это можно объяснить позицией лирического «я»: включенного в «страшный мир», лишенного единомышленников на враждебной территории. Отстраненная позиция – чуть иронично и свысока – свойственна Е. Кропивницкому, И. Холину. Даже в самых «барачных» из их стихов есть снисходительная улыбка по поводу того, что происходит где-то не здесь и с кем-то, только не с тобой:

В деревне вчера хоронили
Того, что намедни избили
И после убили.

Как некая кара Господня
Гроза разразилась сегодня –
И, ахнувши вдруг что есть силы,
Мужчину убила.

А пьяный, во власти наитий,
Докончил программу событий:
Купаясь в пруду, поскользнулся,
В воде растянулся
И захлебнулся.

(Е. Кропивницкий, «События», 1952)

А. Жданов не может быть ироничен, постольку, поскольку это *его* судьба – самая страшная из возможных, его «я» – часть этого мира:

...Я – выходец из бедных крестьян.
Отец мой распинал кулаков.
Убей меня! Я мерзок и пьян
и ныне и во веки веков.

Убей – но поутру похмели,
чтоб в радости увидеть конец.
Усну – а Ты избенку спали,
где жили мои дед и отец.
(«И дремлет в закопченном углу...»)²⁶

Основой поэзии лианозовцев было отстранение от советской действительности, умный и ироничный взгляд на ее абсурд: «Они жили в окружении этого абсурда, исследовали этот абсурд и описывали его в своих стихах» (курсив мой. – У.В.)²⁷. Мир, люди существовали как бы вне замкнутой «диаспоры лианозовцев», и поэты писали о болезненном существовании людей «совка», не разделяя это существование.

В стихах А. Жданова разговор о «людях» незаметно переходит внутрь собственной жизни, и этот мир, в котором все так плохо и не правильно, навсегда «присвоен» поэтом:

Люди в ожидании зарплат
мало говорят и много спят. <...>

Надо еще силы поберечь.
Помолясь на фортку, раньше лечь. <...>

Деньги – как микробы: есть, но нет.
Словно по команде – гаснет свет.

Как программа «Время» – снится сон,
общий на один микрорайон²⁸.

На картинах А. Жданова Минск – город мутантов. Страшный, странный, искореженный, но – узнаваемый. И это узнавание ужасает. То, что это узнавание происходит с людьми разных поколений: и теми, кто разделял с А. Ждановым Минск 1970–1990-х гг., и молодыми людьми поколения 2000-х, для которых «минское арт-подполье» существует «как легенда», – говорит о том, что поэт и художник в мутанте Семенове запечатлел «гения места», минчанина, коренного и неискоренимого: «...С картины, на фоне какого-то странного, темного, зловещего города, на меня смотрели существа с круглыми серосиними лицами и выпученными (то ли от ужаса, то ли от безнадежно-

²⁶ Минская школа. Альманах поэзии. Вып. 1. – Минск, 2009. С. 23.

²⁷ Цуканов А. Два поэта и абсурд // Великий Генрих: Сапфир и о Сапфире / сост. Т.Г. Михайловская. – М., 2003. С. 194.

²⁸ Минская школа. Вып. 1. С. 20.

сти) глазами. Это было «Хмурое утро» Алексея Жданова. Город за спиной этих существ как будто нельзя было опознать – фантазия или страшный сон художника? – но я узнала этот город. Это был Минск, на окраине которого (картина датировалась 1989 годом) в этот момент спала я»²⁹.

Д. Строщев, стремясь закрепить понятие Минской школы с тем, чтобы преодолеть «особый минский культурный феномен – чувство «незнания» пространства, восторг первопреходства и упоенное освоение «диких» территорий»³⁰, отчасти уже наследует не только русской поэтической традиции, но и знакомым ему минским поэтам. «Марсиане», возникшие в его «Лоскутной оде» и гневнее «Монах Вера», возможно, прилетели из «Первого письма к марсианам» А. Жданова³¹. А финал «Лоскутной оды», перебирающей все знаки сумрачной белорусской жизни:

мне скажут
победителей не су
и все же
зарубите на носу, –³²

есть попытка того самого примиряющего игрой и иронией «отстраненного» финала, свойственного русской и белорусской поэзии, находящимся на «своей» культурной и географической территории. В книге стихов Д. Строщева «Газета» (2012) отражен этот синтез традиций (так, гневнее «Монах Вера» трудную современную действительность выражает поэтическим языком «Двенадцати» А. Блока и включает, например, тех же гипотетически ждановских марсиан). В этом виден поиск возможности «исхода» во что-то осмысленное «свое». Более определенно можно сказать о присутствии «движения миру навстречу», что отметил А. Анпилов в предисловии к книге. Движение, направление к, осознанная невозможность не принимать мир, в котором живешь, и отказ продолжать упоительную игру прежних книг и лет. Таков настоящий момент отношения поэзии «творения» и «умолчания» с действительностью и поэтической традицией.

²⁹ *Артимович Т.* Сага о художнике и поэте Алексее Жданове, рассказанная человеком, никогда не знавшим Жданова, и потому вымышленная вся целиком // рARTisan: альманах современной белорусской культуры. 21.01.2013. URL: <http://partisanmag.by/?p=3560>.

³⁰ *Строщев Д.* Взгляды: эссе // Минская школа. Альманах поэзии. Вып. 1. – Минск, 2009. С. 124.

³¹ См. <http://strotsev.livejournal.com/232757.html>.

³² *Строщев Д.* Газета. – М., 2012. С. 30.

Фигуры «официальной» ветви русскоязычной поэзии Беларуси (Анатолий Аврутин, Глеб Артханов, Алла Черная, Валентина Поликанина, Юрий Фатнев, Изяслав Котляров), которых можно назвать гипертрадиционными, – поэтов разной степени одаренности, – в равной степени просты в их отношениях с русской поэтической традицией. В своих стихах они сохраняют то, что доступно сказать в гладкой рифмованной речи и оставить за пределами живых и нынешних России и Беларуси. Это тот поэтический язык, который искусственно воссоздает «персональные предствления о традиции» своих авторов.³³ Но не только. Набор поэтических клише вкупе с идеей «Западной Руси» наводит на мысль о тоске по империи – Российской или Советской, – где самостоятельность художественного и национального мышления была бунтом против империи, желающей все видеть своей частью. «Быть частью» чего-то – таково стремление поэтов, павших в неравной борьбе с «большой» русской поэтической традицией. Кроме того, что они вторичны по отношению к ушедшим сильным соперникам, а не продолжают их, такой традиционализм ничего не значит в русской и белорусской поэтической жизни XXI в.: поэты-гипертрадиционалисты не существуют в настоящем моменте национальной поэзии.

Три бегло рассмотренных варианта отношений с русской поэтической традицией имеют характер «творения» (В. Блаженный и его «бедный демон со многими именами»; А. Жданов, творивший во враждебной пустоте художественные образы «своего» мира); «умолчания» (В. Блаженный и Е. Винокуров); «повторения» (поэты-гипертрадиционалисты). И стоит ли говорить, что самостоятельность художественного и национального мышления – сложный, но единственно возможный для поэтов путь. Огромная мощь русской поэтической традиции, оторванная от живого восприятия ее в современной России, неизбежно превратит своих самых ревностных хранителей в эпигонов ушедших сильных соперников, а не продолжателей их. Поэты, творившие в уединении, сумели переплавить питающую их русскую традицию в нечто особое и создать осмысленное поэтическое пространство, пусть и с опозданием, но всё же одухотворяющее Минск.

³³ *Сваровский Ф.* О поэтической традиции // Воздух. 2010. № 4. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-4/opros/>.